

УДК 94

Яхутль Юрий Асланбиевич

Yakhutl Yuriy Aslanbievich

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории истории государства и права Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права (филиала в г. Краснодаре)
тел.: (918) 117-47-57

PhD in History, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the S-Petersburg Institute of External Economic Relations, Economics and Law (affiliated branch in Krasnodar)
tel.: (918) 117-47-57

КРИЗИСЫ НЭПА: ВТОРОЙ КРИЗИС НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ 1925 г.

CRISES OF NEP: THE SECOND CRISIS OF THE NEW ECONOMIC POLICY 1925

Исследованы вопросы возникновения кризиса в ходе реализации новой экономической политики в начале XX в. Рассмотрено влияние государственных структур на ход экономических реформ и возникновением второго кризиса нэпа. Влияние нэпа на развитие внутреннего рынка сбыта, формирование рыночных структур, рост частного капитала в аграрном секторе, взаимосвязь проводимых реформ с генеральным курсом партии большевиков на индустриализацию страны и возникновением противоречий.

The issues concerning the origin of crisis in the course of implementation of the New Economic Policy (NEP) in the early twentieth century have been analyzed. The influence of state structures on the course of economic reforms and the emergence of the second crisis of the NEP has been considered. The influence of the NEP on the development of the domestic market, formation of market structures, growth of private capital in the agricultural sector, relationship of the reforms carried out according to the General course of the Bolshevik party aimed at industrialization of the country and emergence of contradictions have been described.

Ключевые слова: нэп, кризис, крестьянство, экономика, государственное регулирование, индустриализация.

Key words: NEP, crisis, peasantry, economy, government regulation, industrialization.

Процесс развития рыночных отношений в современной России прошел различные этапы, в том числе и пережил ряд серьезных кризисов. Для успешного изучения и решения возникающих проблем в экономике, общественных отношений определенным интерес представляет опыт новой экономической политики начала 1920-х гг. Новая экономическая политика (НЭП) проходила в противоречиях и серьезных социальных и экономических противостояниях. Экономика пережила ряд циклических экономических кризиса в 1923, 1925 и 1927, 1928 гг. После первого кризиса в 1923 г. политически власть в стране стала предпринимать меры по недопущению повторных кризисных явлений, которые могли, поставит под сомнение весь комплекс мер по реформированию страны. С этой целью в 1924 г. были проведены денежная реформа, положительно сказавшаяся на оздоровление кредитно-финансовой системы, повторные выборы депутатов городских и сельских Советов. В голосовании приняли участие до 35% избирателей имеющих на это право. Но результаты новых выборов способствовали уменьшению удельного веса депутатов комсомольцев и коммунистов в составе Советов всех уровней. В сельской местности крестьяне в большинстве отдали свои голоса за хозяйственных, экономически активных кандидатов. Репутация крестьянина как умелого и уважаемого домохозяина зависела в первую очередь от его умения так наладить жизнь и производственную деятельность своего двора, так распорядиться трудом и его результатами, чтобы и тягло исправно несло, и потребности семьи удовлетворялись бы без чрезмерного напряжения сил. Этот смысл чаще всего и вкладывался крестьянами в понятие «хозяин» [1, л. 96].

Расширение прав сдачи земли в аренду и облегчения найма рабочей силы, снижение цен на сельскохозяйственные машины и увеличение продолжительности кредита на их покупку, расширение мелкой торговли, снятие ограничений для участия в кооперации способствовали стабильному, поступательному развитию аграрного сектора. Новый курс партии стимулировал процесс единого накопления на селе, рост числа зажиточных хозяйств, социального неравенства и расслоения в деревне. Ситуация в деревне требовала выработки новой политики в отношении зажиточного крестьянства.

Руководством страны было признано в 1925 г. наличие остаточных методов управления политики «военного коммунизма», что серьезно снижало эффективность и результаты проводимых реформ. Нарастание частного капитала в экономике страны было неизбежным, особенно в деревне с её растущим имущественным расслоением. Решение вопроса лежало в плоскости кооперирования крестьянства и усиления экономических методов регулирования. Но декларирование методов государственного регулирования экономикой и практикой её реализации на местах имели принципиальные отличия. Местные партийные и хозяйственные руководители предпочитали жесткое государственное администрирование, которое, по их мнению, было более эффективным, но порождало хронические экономические проблемы.

Апрельский (1925 г.) Пленум ЦК ВКП(б) большинством голосов поддержал сторонников программы нового курса. Резолюция Пленума «Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни» допускала долгосрочную аренду земли, образование хуторских и отрубных хозяйств, снятие административных ограничений с применения наемного труда и создания кредитных товариществ, снижение сельскохозяйственного и изъятие натурального налога. Но данная идея трансформации крестьянской политики не нашла полной поддержки среди лидеров партии. Против нового курса высказались Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев, выжидательную позицию занимал Л.Д. Троцкий, не определился И.В. Сталин.

Решения Пленума и XV партийной конференции большевиков внесли корректировку в методы реализации новой экономической политики в аграрном секторе. Наступивший период либерализации экономической политики (1925 – сер. 1926 г.) укрепили позиции частного сектора в экономике. Частные предприниматели работали на получение прибыли и несли личную ответственность за свое дело, что заставляло их добиваться высокого уровня рентабельности. Признавался факт экономического взаимодействия разных социально-экономических укладов, в том числе государственного и мелкотоварного крестьянского; во-вторых, учитывались интересы большинства крестьян; в-третьих, наличие элементов капитализма в деревне перестало считаться помехой на пути строительства социализма. Эти положения создавали благоприятные условия для подъема и развития сельского хозяйства. Реформирование сельского хозяйства в указанных рамках могло способствовать началу индустриализации. Успехи нового курса во многом зависели от действий, как партийного, так и хозяйственного аппарата, которые с большим нежеланием расставались с командным стилем времен «военного коммунизма». Одновременно расширялись избирательные права граждан, улучшалось снабжение негосударственного сектора экономики, в том числе и частной торговли. Необходимо отметить, что политическая борьба внутри партии за власть была теснейшим образом связана с той хозяйственной политикой, которая проводилась в стране. Успех внутренней политики партии определялся насколько удачной и успешной окажется хозяйственная политика и конечные результаты экономических реформ. И каждая из противоборствующих сторон стремилась использовать свои успехи в прогнозах и недостатки противоположной стороны [2, л. 185].

Экономическая ситуация весны 1925 г. настраивала на оптимистический лад. Темпы восстановления промышленности достигли 63% роста. Был собран хороший урожай зерновых. Наблюдался рост промышленных объемов. Произошло финансовое оздоровление. Все надежды были на положительные результаты хлебозаготовительной кампании. План хлебозаготовок составил 545 млн пудов, что превосходило все предыдущие годы на 100 млн пудов. Для приема большой массы товарного хлеба разворачивалась сеть государственных и кооперативных заготовительных организаций. Одновременно шло снижение сельскохозяйственного налога, и отдался срок выплаты по кредитам. Чтобы увеличить количество потребительских товаров, предназначенных для крестьянского пользования, улучшались условия развития кустарной промышленности, и расширялась программа целевого импорта [3, л. 89].

Учитывая столь благоприятные экономические предпосылки, было решено, значительно увеличить экспорт и импорт, осуществить широкую программу восстановительных работ и сохранить высокие темпы развития промышленности. Эти меры требовали двукратного увеличения капитальных вложений, предполагалось увеличить в 1,5 раза объем валовой продукции государственной промышленности. Но вместо намеченных успехов осенью 1925 г. разразился новый кризис. Контрольные цифры развития советской экономики на 1925-1926 гг. появились в период нарастания товарного голода. Отрицательно сказались снижение цен на зерно на мировом рынке. Повышение закупочных цен на внутреннем рынке делало его экспорт не рентабельным. Это никак не стимулировало крестьян к реализации своих сельскохозяйственных продуктов, когда на вырученные деньги невозможно что-либо приобрести. Товарный голод мог разрушить важнейшие основания, обеспечивающие социально-экономическую устойчивость системы нэпа. Эти явления требовали глубокого осмысления. Необходимо было выяснить, является ли товарный голод результатом стечения определенных обстоятельств, неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры или же он стал последствием ошибок текущей экономической политики. Возможно, это были более глубокие противоречия в основе своей лежащие в принципах новой экономической политики.

Несмотря на хороший урожай, крестьяне воздерживались продавать хлеб на рынке. Перераспределение земли после революции привело к тому, что количество бедняцких хозяйств по сравнению с 1913 г. уменьшилось с 12% до 3% в 1926 г. Количество наделов в деревне возросло с 16 млн в 1914 г. до 24 млн в 1924 г. Такая раздробленность негативно сказалась на структуре сельского хозяйства и его товарности. Крестьяне стали тратить до 85% произведенной продукции для собственного потребления. Кулацкие хозяйства, которые были основной экономической единицей в сельском хозяйстве, численно уступали всем остальным социальным слоям деревни. В абсолютных цифрах зажиточное

население деревни насчитывало до 1 млн семей. Производительность в сельском хозяйстве резко упала в 2 раза [4, л. 188]. На этом фоне продовольственные кризисы были объяснимы. С каждым годом количество собираемого продовольствия уменьшалось. Сдержанное, выжидательное, а иногда и враждебное отношение середняка и кулака определяли успех или не успех заготовительной кампании.

Все эти вопросы обострялись на фоне открытого враждебного противостояния внутри партии большевиков в борьбе за политическую власть. План хлебозаготовок был выполнен только в июле. Погодные условия лета 1925 г. создали серьезные затруднения в ходе заготовительной кампании. Чтобы не сорвать экспортные поставки, стали поднимать закупочные цены, чем воспользовались зажиточные крестьяне и спекулянты. Но основная масса крестьян по-прежнему не спешила сдавать зерно. Советские деньги не были в достаточном количестве обеспечены промышленными товарами. Импорт не мог покрыть потребности крестьянского рынка. Кризис нарастал. Требовалось предпринимать экстренные меры со стороны государства, то есть повторно меры административного характера, что во многом свидетельствовало об отсутствии общей концепции строительства социалистической экономики. Снизив налоговую ставку на сельскохозяйственную продукцию, государство не позаботилось о промышленной товарной массе, способной удовлетворить потребности крестьянства. Снижение заготовительных цен напрямую зависело от насыщения внутреннего рынка. Непродуманная хлебозаготовительная кампания порождала новый кризис нэпа. Были приняты меры по сдаче зерна на обмен дефицитных товаров. Был увеличен импорт на определенные товары широкого потребления на сумму 70 млн р. И в этих условиях государство продолжало закупать зерно по завышенным ценам, надеясь, что основным поставщиком выступит середняк и бедняк, их опередил кулак. В результате у зажиточной части крестьянства сосредоточились большие финансовые средства. Это ставило под удар экспортные поставки, и требовало отказа от курса на индустриализацию. У государства не было экономических рычагов снижения цен. На 10% сократились объемы промышленного производства. Сократились плановые поставки по заготовке продуктов сельского хозяйства. Тревожные симптомы наметились в сфере денежного обращения и кредита. Общая масса денег в обращении за 1925 г. выросла на 63%. Это вело к гиперинфляции. Банки вновь стали снижать уровни кредитования народного хозяйства. В городе и деревне нарастала социальная напряженность. Срыв хлебозаготовительной кампании и экспортного плана 1925-1926 хозяйственного года требовал пересмотра курса НЭПа и отношения к аграрному сектору экономики. По плану предполагалось собрать 780 млн пудов, но в ходе хлебозаготовительной кампании эта цифра была снижена до 500 млн пудов. Вслед за сокращением хлебозаготовок был пересмотрен экспортно-импортный план. Экспорт был сокращен с 1,1 млрд р. до 720 млн р., а импорт с 1 млрд р. до 803 млн р. В начале декабря ВСНХ сократил план капитальных работ в промышленности с 1 млрд р. до 746 млн р. [5, л. 86].

Принятые планы поступательного развития народного хозяйства не соответствовали финансовым, импортным, сырьевым, транспортным возможностям страны, они не были обеспечены в должной мере квалифицированными рабочими и специалистами. Анализ причин хозяйственных трудностей 1926 г. выявил различные точки зрения на проблему и пути выхода из кризиса.

Сторонники новой оппозиции во всем обвиняли кулацкие элементы. Сторонников теории диспропорции, которую поддерживал И.В. Сталин и Е. Преображенский, считали, что основу нарастающего кризиса стоит искать в диспропорции между развитием промышленности и сельского хозяйства и требовали продолжения курса индустриализации. Иные считали, что причина неудач в перекредитовании промышленности и связанными с ними последствиями. Кризис хлебозаготовок 1925-1926 гг. продемонстрировал, что резервы расширенного воспроизводства промышленности и сельского хозяйства исчерпали себя. Ни сельское хозяйство, ни промышленность не удовлетворяли потребностей друг друга в изделиях, оборудовании, сырье, продовольствии и рынках воспроизводства. Опыт 1925 г. показал, что принятие напряженных планов экономического развития при той базе промышленного и сельскохозяйственного производства было чревато неправыми последствиями для политической власти.

Очередной раз большевики вмешались в ход реализации новой экономической политики, используя мощный административный ресурс советской власти. Правительство, понимая остроту сложившейся ситуации, и нарастающее недовольство населения, вынуждено было снизить цены на промышленные товары и тем самым вернуться практически к докризисным ценам. В 1925-1926 финансовом году более 400 млн т хлеба не было вывезено на рынок и оставалось в крестьянских амбарах. Кризис был разрешен административными мерами, и это стало активной практикой для большевиков в случае возникновения кризисных явлений в экономике.

В результате форсированного экспорта хлеба повысились закупочные цены на сельскохозяйственное сырье. Эти события имели решающее значение для перспектив нэпа и роли государства в регулировании экономических процессов. Свою роль сыграли государственные хозрасчетные тресты, которые имели ярко выраженный монополистический характер и преимущественное положение в эко-

номике. Ситуация усугублялась и ошибочной кредитной политикой: усиленное кредитование трестов советскими червонцами под товарное обеспечение позволяло им продолжать производственную деятельность без реализации, поскольку они стремились максимально использовать выгодную для себя конъюнктуру [6, л. 150]. Это свидетельствовало об отсутствии продуманной экономической политики правительства. Государство стало на путь административных мер, близких и понятных большевикам, а возможно и большей части населения страны.

На XIV партийной конференции большевиков и III Всесоюзном съезде Советов рассматривался вопрос снижения сельскохозяйственного налога и увеличения государственных средств в системе сельскохозяйственного кредита. Торговые отношения между промышленностью и сельским хозяйством обнаружили ряд противоречий, которые, по мнению руководства страны не носили антагонистический характер и могли разрешиться с помощью «государственных мер экономического регулирования цен и при всемерной поддержке государством дела восстановления сельского хозяйства всей основной массы крестьянства» [7, л. 11].

Одновременно с этим принимались меры, которые грозили нарушить баланс развития народного хозяйства. Начался процесс резкого перераспределения государственных средств в пользу промышленности. На сельское хозяйство было выделено из бюджета в 1925-1926 гг. 282,8 млн р., а в 1926-1927 гг. – 298,1 млн р. в те же годы поступления сельскохозяйственного налога в бюджет составляло соответственно 251,8 и 357,9 млн р. [8, л. 63]. В перечне товаров импортируемых из-за границы доля товаров для сельскохозяйственного производства уменьшилась и привела к нарастанию кризисных явлений в деревне.

На апрельском пленуме 1926 г. ЦК партии признал необходимость ограничения частного сектора в хлебозаготовительной кампании. Выполняя это решение, около одной тысячи товарных мельниц были изъяты из аренды с нарушением условий арендных договоров, прекратили подачу транспорта частным заготовительным организациям. У руководства партии и государства четко выстраивалась концепция несовместимости использования частной инициативы в процессе социалистических преобразований. Были приняты меры по сокращению товарного и денежного кредита частному сектору, повысили налоговые ставки и др. В результате принятых принудительных мер число частных торговых заведений сократилось на 18,2% [9, л. 43]. Такой темп падения числа частных торговых учреждений не могли компенсировать совместные усилия государственной и кооперативной торговли. Производство частной промышленности сократилось. Ухудшались условия работы кустарно-ремесленной промышленности, игравшие значительную роль в производстве товаров широкого потребления для местного рынка. На её долю приходилось 80% обувного производства, 65% производства одежды, 62% пищевкусовой продукции, 56% кожевенной. Эта отрасль местной промышленности удовлетворяла на 80% потребности крестьянского населения. Сбыт продукции частного сектора промышленности осуществлялся в основном через частную торговлю, потому что за готовую продукцию платили на 20% больше, чем в государственном секторе торговли [10, л. 44]. Политика государственного регулирования в этих условиях способствовала нарушению экономической связи города и деревни.

На первом этапе восстановления основ промышленного производства надежды на возможности и ресурсы сельского хозяйства не оправдались в полной мере. Объясняется это использованием рыночных механизмов в сочетании с административными мерами. Первые три года продемонстрировали преимущества рыночных механизмов. Руководство страны боялось потери контроля над рыночными процессами в экономике, а следовательно, могло проиграть борьбу за власть. Сложно определить, что являлось первичным для И.В. Сталина и его окружения. Возможности экономического благополучия, но с длительным сроком исполнения или военно-административные методы, к которым они за весь предшествующий этап истории привыкли, но они приносили быстрый, ожидаемый результат.

После кризиса 1925 г. еще сохранялась надежда на продолжение рыночных реформ. Внутриполитическая обстановка в стране была благоприятной и существовала возможность вовлечения различных социальных слоев общества в процесс преобразования страны. Кризисные явления в народном хозяйстве носили в большей мере экономический характер и преодолены они были в сочетании методов государственного и рыночного регулирования. Но именно в это время проявились тенденции политического характера, которые спровоцировали последующий кризис и подвели под необходимость полного свертывания данного курса. Неудачи в экономических преобразованиях негативно сказывались на авторитете советской власти и партии большевиков. Экономический кризис был в тесном переплетении с социально-политическими проблемами. Он был неизбежен при той неграмотной экономической политике и необоснованных методах государственного вмешательства в экономику страны со стороны правительства и партии. История страны в последующем продемонстрировала последствия этой политики.

В этих кризисах роль «нэпманов» была не столь значимой как того желали партийные руководители. Государственная система управления экономикой по большей части сама провоцирова-

ла их возникновение. Не следует идеализировать сам нэп, он являлся носителем собственных противоречий. Нараставшая социальная и экономическая острота в обществе в эти годы свидетельствовала о наличии объективных противоречивых процессов и о том, что реформы имели свойства как положительного, так и отрицательного характера. На авансцену 1020-х гг. вышли различные социальные слои, имеющие свои экономические и политические интересы, что по своей сути противоречило идеям социалистического строительства. В обществе формировались протестные идеи, которые не совпадали с новым курсом партии.

Современное развитие страны позволяет использовать практику 1920-х гг. и сделать позитивный вывод. Это в первую очередь имеет отношение к малому частному бизнесу, который решил проблему дефицита товаров на местном рынке по доступным ценам. Государство в лице надзорных, контролирующих органов и местного самоуправления должно определить меру регулирования и стимулирования малого и среднего предпринимательства. Вторая проблема это развитие крестьянского (фермерского) коллективного хозяйства и государственная поддержка, политика ценообразования до реализации продукции или же государственных закупок. По сравнению с 1920-ми гг. мы видим боязнь усиления государственного влияния на уровне законодательства, а не предоставления больших прав и полномочий чиновникам. Государственное субсидирование сельского хозяйства, льготное кредитование малого и среднего бизнеса могло позволить стране выйти из оков олигархического капитализма. Нерегулируемых рынков нет, вопрос в степени вмешательства государства и эффективности законодательной базы.

Кризисы новой экономической политики имели свои особенные черты, но и во многом были схожи по причинам и путям их преодоления и последствиям. Каждый из них стал в последующем причиной принятия государственных (административных) мер. Экономика переходного периода требовала более длительных и детальных проработок, а не революционных наскоков. Военные методы руководства дают кратковременные положительные результаты, бесперспективные в долгосрочном планировании. Невозможно проводить реформы, в стране заранее деля население на союзников и врагов и, тем самым, исключая часть населения из производственного цикла. Но нет возможности на стадии переходного периода иметь союзников в лице консолидированной массы населения. Этого возможно добиться в определенный срок на фоне постепенных, взвешенных реформ, отражающих социальные и экономические интересы всех активных социальных слоев общества. Неправомочно утверждение, что курс на индустриализацию стал основой вытеснения частного сектора из экономической жизни страны. Сущность общественного способа производства, по мнению руководства страны в 1920-х гг. не предусматривала параллельного существования иных общественных отношений. Но с точки зрения экономических преобразований и ломки устоявшихся общественных отношений дальнейшее развитие социализма опровергло данную точку зрения. Да, это была ошибка именно того периода строительства нового общества. Но индустриализация страны была необходима не только задачами строительства социализма, но и всем предыдущим ходом развития России, которая характеризовалась общей отсталостью по отношению к Европе, Америке и незавершенностью начатых реформ предшествующего периода. Первый кризис впоследствии спровоцировал и второй кризис. Но это не означало, что так и должно было быть. Экономические проблемы породили социальные противоречия между государством и населением, так как государство преследовало глобальные цели, где человек со своими интересами терялся. И естественным результатом явился срыв хлебозаготовительного плана, а в последующем объявление кулака основным врагом социалистического строительства. Доминирование административных государственных методов регулирования экономикой переходного периода во многом предопределили судьбу новой экономической политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): материалы Междунар. конф. / под ред. В.П. Данилова, Л.В. Милова. М., 1996.
2. Верхотуров Д.Н. Сталин. Экономическая революция. М., 2006.
3. Муравьева Л.А. Закат новой экономической политики // Финансы и кредит. 2002. № 23.
4. Верт Н. История Советского государства / пер. с фр. 3-е испр. изд. М., 2006.
5. Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. М., 1998.
6. Мау В. Реформы и догмы 1914-1929. М., 1993.
7. Четырнадцатая партийная конференция РКП (б). Москва. 27-29 апреля 1925г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1925-1953 гг. М., 1953. ч. 2.
8. Государственный бюджет СССР. Статистический сборник. М., 1955. ч. 1.
9. Голанд Ю. Указ. соч.
10. Там же.